

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.23>

Лисюткина Ирина Сергеевна

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье изучаются особенности реализации тактики обвинения в советском политическом медиадискурсе. Особое внимание уделяется анализу взглядов отечественных лингвистов на понятие тактики обвинения. Рассматриваются пять семантических вариантов оформления обвинения, среди которых ведущей становится модель "субъект совершает негативное действие", где негативное действие может трактоваться максимально широко. Отсутствие в проанализированном материале семантической модели "действия субъекта приводят к негативу" свидетельствует о повышенной категоричности советского медиадискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 107-111. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

По данным нашего исследования, преобладающими лексическими трансформациями в текстах о лесном хозяйстве оказались: калькирование (29,7%), транслитерация (21,6%) и экспликация (21,6%). Мы связываем это с тем фактом, что лексические трансформации позволяют отразить значение английского слова в переводном тексте без семантических потерь.

Приоритетными грамматическими трансформациями в текстах о лесном хозяйстве определились следующие: развертывание (29,4%), стяжение (29,4%), уподобление (20,6%). Убеждены, что использование грамматических трансформаций вызвано желанием переводчика избежать семантической избыточности и нарушений норм русского языка.

Список источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
2. Вольнский В. Н. Краткий лесотехнический словарь (англо-русский, русско-английский). Архангельск: Изд-во АГТУ, 2006. 204 с.
3. Казакова Т. А. Практические основы перевода English ↔ Russian. СПб.: Союз, 2001. 320 с.
4. Климзо Б. Н. Роль переводчика в построении эквивалентов для заимствуемых иноязычных терминов // Мосты: журнал переводчиков. 2006. № 4 (12). С. 20-27.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Лагашев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 280 с.
7. Наследие длительного разорения российской тайги [Электронный ресурс] // FSC под угрозой: FSC в России сертифицирует уничтожение малонарушенных лесных территорий. URL: [http://www.forestforum.ru/info/Greenpeace_FSC_Case-study\(RU\).pdf](http://www.forestforum.ru/info/Greenpeace_FSC_Case-study(RU).pdf) (дата обращения: 01.02.2018).
8. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р.Валент, 2007. 244 с.
9. https://en.wikipedia.org/wiki/Forest_Stewardship_Council (дата обращения: 27.03.2018).
10. Russia's Legacy of Taiga Forest Mismanagement [Электронный ресурс] // Greenpeace. FSC at Risk. 2014. № 6. P. 5-7. URL: <http://www.greenpeace.org/international/Global/international/publications/forests/2014/FSC-Case-Studies/454-6-FSC-in-Russia.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).

SPECIFICITY OF FORESTRY TERMINOLOGY TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Kurmaeva Irina Il'darovna, Ph. D. in Philology
 Babenko Olesya Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy
 Rakhimbirdieva Il'mira Mukharyamovna, Ph. D. in Philology
 Kazan (Volga Region) Federal University
 airre@rambler.ru; ladyboss81@mail.ru; ilmira-rim@mail.ru

The article deals with the ways of translating terms and free phrases in the field of forestry from English into Russian. The purpose of the study is to identify the most frequent translation models in the selected texts. The novelty of the research is in determining the prevailing translation transformations in texts on forestry. The obtained data show that for the maximum accuracy of the translation, the techniques, which are aimed at capacity and conciseness, are used. Parallel texts from the magazine "Greenpeace" were taken as research material.

Key words and phrases: translation; translation transformation; lexical transformation; grammatical transformation; term; equivalence.

УДК 811.1/2

Дата поступления рукописи: 04.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.23>

В статье изучаются особенности реализации тактики обвинения в советском политическом медиадискурсе. Особое внимание уделяется анализу взглядов отечественных лингвистов на понятие тактики обвинения. Рассматриваются пять семантических вариантов оформления обвинения, среди которых ведущей становится модель «субъект совершает негативное действие», где негативное действие может трактоваться максимально широко. Отсутствие в проанализированном материале семантической модели «действия субъекта приводят к негативу» свидетельствует о повышенной категоричности советского медиадискурса.

Ключевые слова и фразы: политический медиадискурс; речевое воздействие; стратегия дискредитации; тактика обвинения; цикличность дискурса.

Лисюткина Ирина Сергеевна

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
 serial@bk.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ОБВИНЕНИЯ
 В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Медиаполитический дискурс играет особенно важную роль в моменты кризисных ситуаций и международных конфликтов, поскольку он является интерпретатором и ретранслятором мнения правящей стороны,

средством легитимации или дискредитации идей в общественном сознании, а также выполняет аксиологическую функцию. Одной из самых ярких особенностей политического дискурса является его воздействующая способность. Распространяя это свойство на политический медиадискурс, Г. Г. Почепцов отмечает, что любой текст СМИ является влияющим. Исследователь полагает, что в отличие от прямого пропагандистского текста, где фиксация событий является только дополнением первичной цели – манипуляции, качественный пропагандистский текст влияет на читателя имплицитно [15, с. 351].

Один из самых долгих политических кризисов, который определил не только ход истории, но и сформировал две полярные социокультурные системы, известен под названием «холодная война». Этот термин был впервые использован в 1945 году Джорджем Оруэллом в статье «Ты и атомная бомба», в ней британский писатель предсказывает создание биполярного миропорядка, в котором на смену вооруженным конфликтам приходит состояние ожесточенного противостояния в мирных условиях [23]. Уже в 1947 году эта меткая метафора появляется в речи советника американского президента Бернарда Баруха и прочно закрепляется в политическом дискурсе.

Феномен «холодной войны», являясь междисциплинарным, долгое время был предметом пристального внимания исследователей. В начале 2000-х годов во взглядах на это понятие произошел «культурологический поворот». Так, историк В. Л. Мальков определяет действующие силы холодной войны как набор неких дискурсов, закрепленных в общественном и индивидуальном сознании [12].

Идеологема «холодная война» является одной из ключевых в политическом дискурсе. Многие ученые отмечают, что агональность политического дискурса является его главным онтологическим свойством. Ввиду функционирования в условиях противостояния систем, агональность политического дискурса усиливается, распространяясь на все большее количество сфер. Стратегическая организация агонального типа дискурса подразумевает наличие двух стратегических принципов, которые находят отражение в дихотомиях: «нападение – защита» и «саморепрезентация – дискредитация» [4, с. 4].

Исследования подобного рода представляются актуальными, так как современные СМИ, являясь «наследниками» достижений советской журналистики, активно пользуются тактиками дискредитации и языковыми клише прошлого. Таким образом, в рамках теории цикличности политического дискурса [21] глубокий анализ функционирования манипулятивных языковых действий способен пролить свет на процессы идеологизации и в современных медиа.

Научная новизна данного исследования обусловлена тем, что в статье впервые осуществляется комплексный анализ стратегии дискредитации в советском политическом медиадискурсе.

Цель данной работы – выявить, систематизировать и охарактеризовать семантические варианты тактики обвинения, используемые в советской прессе в сообщениях о внешнеполитических событиях. Данная цель определила следующие задачи исследования: 1) провести анализ понятий «стратегия», «политический дискурс», «медиадискурс» и «политический медиадискурс»; 2) определить семантические варианты реализации тактики обвинения в советском политическом медиадискурсе и провести их количественный анализ; 3) установить и описать наиболее типичные для каждого семантического варианта языковые средства.

В данном исследовании были проанализированы тексты советской прессы 1960-1979 гг. из газет «Правда», «Известия», «Красная звезда» и «Вечерняя Москва». Всего было исследовано 39 текстов общим объемом 13 890 словоупотреблений. При знакомстве с материалом обнаружено, что стратегия дискредитации может быть направлена либо на внешнеполитических оппонентов, либо на отдельных граждан СССР. Поскольку первое направление является наиболее широко представленным, исследование проводилось методом сплошной выборки в рубриках, посвященных мировой политике. К исследованию был применен междисциплинарный подход, так как для анализа политического дискурса необходимо учитывать различные факторы (политические, исторические, социальные).

Несмотря на то, что СМИ позиционируют себя в качестве беспристрастного фиксатора реальности, стоит отметить эмоциональность транслируемой информации. Именно эмоциональность позволяет журналистам более эффективно воздействовать на читателей, а также стимулировать их к принятию определенных политических решений по тому или иному вопросу. Согласимся с мнением Ю. В. Газинской, которая утверждает, что эмоциональность в политическом медиадискурсе так или иначе связана с оценочностью, так как реализуется через состояние волнения и в процессе интерпретации медиатекста предполагает разделение действительности по принципу «хорошо – плохо» [3, с. 12].

Необходимо обратить внимание на то, что речевое воздействие, как правило, не является изолированным феноменом. Поэтому, опираясь на тезисы Л. С. Выготского [2] и А. Р. Лурия [11], а также на положения отечественной теории деятельности, дополненной и развитой А. А. Леонтьевым [10], мы рассматриваем речевую деятельность в качестве инструмента достижения конкретных целей в рамках более сложной деятельности. Такой деятельностью может быть в том числе и освещение внешнеполитических событий в СМИ как системно организованный процесс воздействия на целевую аудиторию. Соответственно, речевое воздействие будет рассматриваться как разновидность коммуникативного воздействия, которое, в свою очередь, является частным случаем информационно-психологического воздействия.

Воздействующая функция языка активно изучается в рамках политической коммуникации, кроме того, ученых интересует реализация этой функции через применение различных речевых стратегий. Исследование непосредственно термина «стратегия» остаётся актуальным до сих пор ввиду отсутствия общепринятой интерпретации и его междисциплинарности. Так, в рамках прагмалингвистического подхода под стратегией

принято понимать «совокупность речевых действий» [19, с. 58]. Рассматривая данное понятие с точки зрения когнитивного подхода, О. С. Иссерс утверждает, что под коммуникативной стратегией следует понимать «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [8, с. 54]. Исследователь указывает на непосредственную связь между коммуникативными стратегиями и тактиками и основными этапами речевой деятельности – планированием и контролем, именно поэтому стратегия является когнитивным планом общения, с помощью которого возможно контролировать оптимальное решение коммуникативных задач говорящего собеседника.

Одной из самых распространённых тактик в рамках стратегии дискредитации является тактика обвинения. Согласно О. Н. Паршиной, тактика обвинения является специализированной тактикой стратегии дискредитации и заключается в обличении или разоблачении оппонента [14]. З. С. Хабекирова уточняет понимание данной тактики, отмечая, что её неотъемлемой частью является указание на негативные, по мнению адресанта, последствия деятельности субъекта дискредитации [20]. О. Л. Михалёва пишет о том, что адресант также может использовать тактику обвинения для указания на негативные качества адресата [13].

Согласно классификации О. С. Иссерс, выделяют три типа обвинений: прямое, косвенное и «обвинение чужими устами» [9]. Сравнивая тактику обвинения и тактику оскорбления, Н. С. Ширяев отмечает, что обвинение, в отличие от других дискредитирующих тактик, в некоторых случаях имеет под собой объективное основание, которое и становится причиной обмена аргументами [22, с. 138].

Однако не все исследователи рассматривают обвинение в качестве самостоятельной тактики речевого воздействия. Так, Н. Б. Руженцева понимает обвинение, прежде всего, как интенцию адресанта, на основе которой можно выделить ряд тактик. Тактика рассматривается как форма реализации интенции обвинения, предопределяющая дальнейшие коммуникативные действия адресанта [18, с. 280].

А. Р. Залегдинова приводит несколько семантических вариантов при оформлении прямого обвинения:

- 1) «субъект совершает негативное действие» (S + NA);
- 2) «действия субъекта приводят к негативу» (S + A \rightsquigarrow N);
- 3) «субъекту свойственен негатив» (S + NST);

4) «субъект не совершил какого-либо положительного действия» (S не совершил PA) (где S (subject) – субъект, являющийся адресатом обвинения, N (negative) – негатив, P (positive) – позитив, NA (negative action) – негативное действие, NST (negative state) – негативное состояние, PA (positive action) – позитивное действие) [5, с. 11].

Анализ материала показал высокую продуктивность первой модели: «субъект совершает негативное действие» (S + NA). Негативное действие содержит ряд сем, которые можно тематически разделить по группам. К первой группе относятся лексемы с интегральной семой «разрушение». Первый пример представляет собой довольно частотный для советского политического медиадискурса синтез двух разнонаправленных стратегий (дискредитации и самопрезентации) в пределах одного предложения. Стратегия дискредитации реализуется в тактике обвинения, где негативное действие выражено девербативом «срыв»: *Таким образом, отвечая на некоторые замечания западных правительств, и несмотря на срыв империалистами совещания в верхах, Советский Союз вновь подтвердил свои неустанные усилия, прилагаемые в направлении устранения угрозы атомной войны* (Правда, 07.06.1960) [16].

В качестве частного случая группы «разрушение» мы рассматриваем лексемы со значением «уничтожение». В следующем примере для дискредитации политического противника используется целый комплекс суггестивных средств: во-первых, эпитеты с негативным прагматическим зарядом (*зверский, баснословный*), один из которых повторяется дважды; во-вторых, синтаксический параллелизм служит созданию эффекта градации. В данном примере западные страны обвиняются в агрессивных действиях и убийстве. В ходе исследования было отмечено частотное использование лексем *агрессивный, агрессия* и *агрессор*, которые имеют абстрактное значение. Это значит, что широкая предметная отнесенность значения позволяет любые действия политических противников СССР, от заявлений до боевых маневров, маркировать как агрессивные: *Агрессия колонизаторов против этой страны, зверское убийство руководителя конголезского народа Патриса Лумумбы и его соратников показали, что колонизаторы без боя не откажутся от своих привилегий в Африке, что они пойдут на любые преступления лишь бы сохранить баснословные барыши, получаемые от зверской эксплуатации африканских народов* (Известия, 15.04.1961) [6].

Вторая группа лексем содержит интегральную сему «продолжение». Исследуемый материал показал, что политические противники часто обвиняются не столько в совершении конкретных негативных действий, сколько в нежелании отступить от собственной идеологии и изменить политический курс: *Докладчик указывает, что американский империализм продолжает проводить в этом районе мира свою политику создания военных баз, политику открытого вмешательства в дела многих азиатских стран, что глубоко беспокоит трудящихся этого континента и всего мира* (Правда, 07.06.1960) [16].

Второй семантический вариант оформления обвинения, «субъект совершает действие, направленное в сторону негатива» (S + (A \Rightarrow N)), согласно автору данной классификации, характерен в большей степени для англоязычного медиадискурса. В нашем материале был найден только один такой пример. Формально госсекретарь США Кристиан Арчибальд Гертер обвиняется в некоем заявлении (что само по себе не является негативным действием), которое в будущем приведет к негативному действию, выраженному девербативом с негативным прагматическим зарядом: *Гертер сделал заявление, из которого вытекало,*

что агрессивные вторжения американских самолетов в воздушное пространство СССР будут продолжаться (Правда, 07.06.1960) [Там же].

Третий семантический вариант оформления обвинения – «действия субъекта приводят к негативу» (S + A => N) предполагает положительно или нейтрально маркированные действия, которые привели к негативным последствиям. Позднее именно эта формула найдет своё отражение в знаменитом афоризме В. М. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Данный семантический вариант не был найден в нашем материале. Вероятно, это связано с тем, что советский медиаполитический дискурс со свойственной ему повышенной категоричностью не допускает наличия положительных намерений у противника.

Четвертый семантический вариант – «субъекту свойственен негатив» (S + NST) является распространенным, так как выражается отрицательно маркированным эпитетом или деадъективом. В данном примере противник дискредитируется с помощью номинации «империализм», которая является идеологемой с негативным прагматическим зарядом. Еще одной знаковой идеологемой является словосочетание «враг народа». Данная идеологема выполняет ряд важных как политических, так и социальных функций: функцию самоидентификации советского человека посредством укрепления в общественном сознании дихотомии «свои» – «чужие», функцию «снятия напряжения» в отношениях власти и общества с помощью переключивания ответственности с правящей партии на «врагов народа» и др. [3]. *Империализм, во главе с американским империализмом, проявляет свою истинную сущность врага мира и врага народов* (Правда, 07.06.1960) [16].

Пятый семантический вариант оформления – «субъект не совершил какого-либо положительного действия» (S не совершил РА). При реализации данного варианта активно используются лексемы с интегральными семами «молчание», «отказ», «нерешительность». В советском политическом медиадискурсе эмоциональность и энергичность рассматриваются как положительные качества, в то время как им противопоставляются молчание, скрытность, медлительность противника: *После казни испанского патриота-коммуниста Хулиана Гримау Альварес написал в защиту памяти Гримау открытое письмо, разосланное им во все мадридские газеты. Но те не решились опубликовать его* (Известия, 16.10.1964) [7].

Итак, в газетных текстах периода холодной войны в рамках стратегии дискредитации было обнаружено активное использование тактики обвинения. Среди 6500 словоупотреблений в реализации тактики обвинения принимают участие 1450 словоупотреблений, что составляет 22,3%. Среди семантических вариантов оформления тактики обвинения самым частотным является формула «субъект совершает негативное действие» (S + NA), она используется в 65% случаев. Данная формула является универсальной, так как понятие негативного действия имеет широкую предметную отнесенность (от негативного заявления в иностранной прессе до военных действий). Более того, именно эта формула предлагает максимально упрощенный взгляд на действительность, что вместе с гипертрофированной оценочностью является одной из особенностей советской риторики [17]. Таким образом, частоту её использования можно объяснить повышенной категоричностью советского дискурса.

Список источников

1. Волкова Е. П. Феномен «врага народа» в советской печати конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. (по материалам центральных партийных изданий): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2013. 23 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 323 с.
3. Газинская Ю. В. Конструирование политической реальности в русскоязычном медиадискурсе Украины: автореф. дисс. ... к. филол. н. Чита, 2014. 24 с.
4. Дешеева В. В. Агональность в телевизионном дискурсе (на материале современных российских телешоу): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2010. 222 с.
5. Залегдинова А. Р. Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсивном пространстве ток-шоу: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2013. 22 с.
6. Известия [Электронный ресурс]. 1961. 15 апреля. URL: <https://www.oldgazette.ru/izvestie/15041961/text4.html> (дата обращения: 15.09.2018).
7. Известия [Электронный ресурс]. 1964. 16 октября. URL: <https://www.oldgazette.ru/izvestie/16101964/text2.html> (дата обращения: 15.09.2018).
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1999. 284 с.
9. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге [Электронный ресурс] // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-09.htm> (дата обращения: 15.09.2018).
10. Леонтьев А. А. Деятельный ум (деятельность, знак, личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
11. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: УРСС, 2007. 256 с.
12. Мальков В. Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009. 495 с.
13. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дисс. ... к. филол. н. Кемерово, 2004. 27 с.
14. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2005. 325 с.
15. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. 384 с.
16. Правда [Электронный ресурс]. 1960. 7 июня. URL: <https://www.oldgazette.ru/pravda/07061960/text3.html> (дата обращения: 25.06.2018).
17. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ риторика. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 212 с.

18. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. 294 с.
19. Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. № 3. С. 56-65.
20. Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-i-priemy-ee-realizatsii-v-politicheskom-diskurse-demokraticheskoy-oppozitsii> (дата обращения: 25.06.2018).
21. Харламова Т. В. Цикличность политического дискурса // Личность – язык – культура: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 26-28 ноября 2014 г.). Саратов, 2015. С. 33-40.
22. Ширяев Н. С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков): дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2017. 195 с.
23. Orwell G. You and the Atomic Bomb [Электронный ресурс]. URL: http://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb (дата обращения: 25.06.2018).

PECULIARITIES OF ACCUSATION TACTICS REALIZATION IN THE SOVIET POLITICAL MEDIA DISCOURSE

Lisyutkina Irina Sergeevna
Saratov State University
serial@bk.ru

The article examines the peculiarities of the accusation tactics realization in the Soviet political media discourse. The author focuses on analysing domestic linguists' views on the "accusation tactics" concept and considers five semantic variants of accusation arrangement among which prevalence belongs to the model "subject performs negative action" where negative action can be interpreted in an extremely broad sense. The semantic model "subject's actions lead to a negative result" is not found in the analysed material that indicates higher categoricity of the Soviet media discourse.

Key words and phrases: political media discourse; verbal influence; defamation strategy; accusation tactics; cyclicity of discourse.

УДК 81'23+81'272

Дата поступления рукописи: 19.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.24>

Статья посвящена анализу специфики языкового сознания представителей разных субкультур на материале имен собственных (название песни). Автором предложен психолингвистический подход к исследованию семантики имени собственного в свете субкультурной специфики и проведен свободный ассоциативный эксперимент среди рок-музыкантов, фанатов и профанов. Данные эксперимента позволяют сформулировать психолингвистическое значение исследуемого слова-стимула и сделать вывод о том, что появление различий в актуализации образов языкового сознания зависит от принадлежности индивида к конкретным субкультурам.

Ключевые слова и фразы: имя собственное; субкультура; рок-музыканты; фанаты; профаны; ассоциативный эксперимент; психолингвистическое значение; языковое сознание.

Плешков Евгений Сергеевич

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
г. Челябинск
evgeny-pl@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОК-МУЗЫКАНТОВ И ФАНАТОВ

В настоящее время в науке о языке является ключевой антропоцентрическая научная парадигма, в рамках которой интересы исследователя «переключаются с объектов познания на субъекта, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке» [3, с. 6].

Одной из актуальных проблем современной лингвистики в целом и психолингвистики в частности в разрезе антропоцентрической парадигмы является проблема изучения языкового сознания. В Московской психолингвистической школе принято определение, предложенное Е. Ф. Тарасовым, согласно которому языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [7, с. 4].

Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время существует проблема изучения языкового сознания носителей различных субкультур, знаковой наполненности этих субкультур ввиду их широкого распространения в современном мире. Новизна работы связана с тем, что исследование специфики языкового сознания рок-музыкантов и фанатов рок-музыки на материале имен собственных не осуществлялось.